

УДК 929
ББК Ч 410.057

ГСНТИ 03.09.31

Код ВАК 07.00.03

Земцов Владимир Николаевич,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru

АББАТ А. СЮРЮГ: ПОРТРЕТ ПЕДАГОГА-ИЕЗУИТА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орден иезуитов; система иезуитского воспитания; система иезуитского образования; аббат А. Сюрюг; иезуиты-гувернеры.

АННОТАЦИЯ. На примере деятельности аббата А. Сюрюга, наставника детей графа А. И. Мусина-Пушкина в начале XIX в., ставится проблема соотношения эффективности методов и методик образования и воспитания с морально-нравственными основами российского общества.

Zemtsov Vladimir Nikolayevich,

Doctor of History, Professor, Head of the Chair of General History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

ABBOT A. SURUGUE: PORTRAIT OF A TEACHER-JESUIT (END OF THE XVIIIITH – BEGINNING OF THE XIXTH CENTURIES)

KEY WORDS: Order of the Jesuits; the system of Jesuit upbringing; the system of Jesuit education; Abbot A. Surugue; Jesuit governors.

ABSTRACT. On the example of Abbot A. Syuryuga, mentor of Count Alexander Musin-Pushkin's children in the beginning of XIX century, the author raises the problem of correlation between the effectiveness of the methods and techniques of education and training with the moral and ethical foundations of Russian society.

Слова «иезуит» и «иезуитский» несут на себе в русском и не только русском языке отрицательную коннотацию, ассоциируясь с коварством, лицемерием и вероломством. В работах, посвященных истории педагогики, мы также найдем немало строк, осуждающих иезуитские педагогику и воспитание, ориентированные на подготовку юношей к «слепому служению церкви» и «оторванности от национальной почвы» (1; 9; 12; 16). В этой связи следует напомнить, что очень многие элементы обучения и воспитания, принятые в современной, вполне «стандартной», педагогической практике (классно-урочная система, повторение пройденного, обучение от простого к более сложному, конкурсорность и соревновательность, регулярный отдых и обеспечение физического развития учащихся, прогулки, поездки и экскурсии, связь с жизненной практикой и т. д.), прошли в течение нескольких веков серьезную апробацию именно благодаря иезуитам (18; 11; 15). Так для мира появились Р. Декарт, Ж.-Б. Мольер, Ф.-М. А. Вольтер... А в России – многие и многие декабристы. В. О. Ключевский прямо связывал появление самого декабристского поколения с «игнацианской» системой образования и воспитания (8).

В самые последние годы вышел в свет ряд интересных исследований, освещающих деятельность иностранных учителей (чаще всего, гувернеров) в России на рубеже

XVIII-XIX вв. (13; 10; 14). Многие из них, например, аббат Д.-Ш. Николь (1758-1835), создатель учебного пансиона в Петербурге, а затем знаменитого Ришельевского лицея в Одессе, принадлежали к иезуитам, и в полной мере реализовали богатый педагогический опыт Ордена Иисуса. Не менее интересна и личность аббата А. Сюрюга, друга Николая, воспитателя детей известного собирателя древностей А. И. Мусина-Пушкина. Помимо всего прочего А. Сюрюг оставил о себе память и как очевидец и историк драматических событий 1812 г. Сохранившиеся материалы (2; 3; 4; 5; 6; 17) дают нам возможность реконструировать (или, правильнее сказать, деконструировать, «разложить» его образ на отдельные элементы) личность этого человека. Это поможет нам ответить на весьма непростой вопрос: как случилось, что воспитатели-иезуиты, обеспечившие своего рода рывок в сфере образования и общего развития высших слоев российского общества в конце XVIII – начале XIX вв., в конечном итоге, а именно – в 1820 г., оказались изгнаны из России? В чем и почему блестящая образованность братьев-иезуитов и их искушенность в общении с молодыми людьми оказались невостребованными российским обществом?

Будущий аббат Адриан Сюрюг родился 31 ноября 1753 г. в селении Кламси, вошедшем позже в департамент Ньерв. Нам

ничего не известно о детстве А. Сюрюга, мы не знаем даже, когда именно он появляется в парижской Сорбонне, которая была в те годы теологическим факультетом. В Сорбонне Адриан получил степень доктора теологии и, вероятно, некоторое время (видимо, с 1783 г.) преподавал в коллеже Св. Варвары. Именно здесь завязались у него тесные дружеские связи с некоторыми священнослужителями, составлявшими профессорский состав и большей частью принадлежавшими к бывшему Ордену иезуитов, деятельность которого на территории Франции в начале 60-х гг. XVIII в. была запрещена. Наиболее известным деятелем ордена иезуитов, с которым Адриан стал дружен, был Д.-Ш. Николь, преподававший в коллеже Св. Варвары с 1782 г. Нет сомнений, что и А. Сюрюг также становится в парижские годы членом запрещенного, но реально существующего братства Ордена Иисуса.

В 1785 г., уже аббат, А. Сюрюг по рекомендации своих влиятельных учителей и коллег становится директором (принципалом) королевского коллежа в Тулузе. Хотя в свое время этот коллеж оказался под сильным влиянием иезуитов, вклад которых в упорядочение европейской системы образования и воспитания был более чем значительным, А. Сюрюгу пришлось непросто. В первых, коллеж был в трудном материальном положении, имея дефицит финансового баланса в 50 тыс. ливров! Во-вторых, между местным правительством и персоналом коллежа возникали постоянные конфликты. В-третьих, не были упорядочены вопросы прав и обязанностей между дирекцией коллежа и профессорским составом. Вскоре А. Сюрюг увидел, что и вопросы обучения были совершенно запущены. А. Сюрюг окупился в дела коллежа с головой. Благодаря систематической напряженной работе он добился изменения системы классовых экзаменов, усилил принципы состязательности между учениками, разграничил функции административного и преподавательского персонала, сгладил противоречия с местными властями, повысил доходность владений коллежа. А. Сюрюг пришел к выводу о недостаточном количестве кафедр в коллеже, открыл ряд новых, среди которых была кафедра химии и экспериментальной физики. По мнению директора, эти науки, «которые ранее не были разрешены по невежеству», «в свете новых открытий, которыми они обогатились, привлекли к себе большое количество сторонников просвещения» (17, р. 5). А. Сюрюг добился того, чтобы штаты Лангедока взяли на себя значительную часть расходов по сооружению и организации физического кабинета; найден был и руководитель физического кабинета – про-

фессор химии из Монпелье Шапгаль, уже читавший учебный курс и применявший с успехом начала этих наук на практике.

Первые события Французской революции имели слабое влияние на королевский коллеж в Тулузе. Однако с июня 1790 г. начался процесс огосударствления церкви и были приняты декреты о присяге священнослужителей Конституции. Этим обстоятельством в 1791 г. воспользовался ряд профессоров коллежа, составлявших оппозицию А. Сюрюгу. В мае 1791 г. Директория дистрикта Тулузы потребовала от А. Сюрюга дать ответ по поводу гражданской присяги. На это А. Сюрюг заявил, что «гражданская присяга в отношении гражданской Конституции со стороны клирика несовместима с религиозными принципами» и что он, Сюрюг, упорствует в своем отказе дать такую присягу. 26 октября было объявлено, что место директора коллежа вакантно. А. Сюрюг выступил 14 ноября на заседании административного совета коллежа с впечатляющей речью, в которой заявил о невозможности идти против своей совести и выразил признательность коллегам за ту поддержку, которую ощущал в тяжелые для него последние месяцы пребывания на посту директора. 29 декабря он выступил на совете в последний раз с отчетом о доходах и расходах коллежа. Коллеж остался должен А. Сюрюгу 4441 ливр 4 сентима и 4 денье! (17, р. 9-11).

А. Сюрюг возвратился в родной Кламси, увозя с собой горечь человеческой обиды и горечь расставания с тулузским коллежем. Через несколько месяцев он и вовсе покинет Францию. Поторопиться с отъездом в изгнание А. Сюрюга заставили новые декреты Законодательного собрания против не присягнувших священников, принятые в мае-августе 1792 г. Но, видимо, А. Сюрюг ко времени отъезда уже представлял свою будущую миссию – он должен был отправиться на Восток Европы, в края, которые назывались Польшей, – в Вильно. В Литве А. Сюрюг, по крайней мере, три года прослужил каноником коллегии местечка Пильзен, которое входило в диоцез Вильно. Но уже в 1796 или 1797 г. он, вероятно, по рекомендации аббата Николая стал наставником детей графа А. И. Мусина-Пушкина (1744-1817). Стоит ли представлять великого историка, археографа и издателя Алексея Ивановича Мусина-Пушкина русскому читателю? Отметим только, что Алексей Иванович, выйдя в 1799 г. в отставку, окончательно осел в Москве, поселившись в огромном доме на Разгуляе (ныне ул. Спартаковская, д. 2, к. 1 или ул. Доброслободская, д. 1). На стене этого дома еще много лет спустя исправно будут показывать время солнечные часы, сооруженные Сюрюгом, а

московские извозчики будут специально туда заезжать, чтобы справиться о том, который час (любопытно, что ниша, сделанная для этих часов, сохранилась до сих пор; она находится на уровне второго этажа этого дома, в котором сейчас располагается один из корпусов Московского государственного строительного университета). Аббат А. Сюрюг должен был заботиться о воспитании и образовании сразу нескольких детей графа (всего у четы Мусиных-Пушкиных было 8 детей – три сына и пять дочерей). В учебных целях ему пришлось даже разработать учебники по истории, французской литературе и мифологии. Особенно сильным оказалось влияние А. Сюрюга на старших сыновей графа – Ивана Алексеевича (1783-1835), ставшего в дальнейшем генерал-майором и придворным гофмейстером, и в особенности на Александра Алексеевича (1788-1813), который подавал большие надежды как будущий наследник исторических изысканий графа Алексея Ивановича. Александр пристрастился к переводам с французского на русский и с русского на французский, прекрасно овладел картографией. Некоторые из его переложений с французского и латыни были напечатаны. Так, в 1804 г. вышла «Речь Флавиана, патриарха Антиохийского, к греческому императору Феодосию». Всего же Александр благодаря А. Сюрюгу знал пять языков. Его приняли в Московское общество истории и древностей российских. С 1801 г. он начал служить в Московском архиве, став одним из тех знаменитых «архивных юношей», которые были воспеты русской литературой. В 1808 г., когда А. Сюрюг уже покинул дом А. И. Мусина-Пушкина, Александр вступит в армейскую службу и, отличившись во многих походах и боях, дослужившись до чина майора, погибнет в марте 1813 г. под Люнебургом.

Совершенно определено, что аббат Сюрюг, пробывший в семье графа 12 лет, имел возможность общаться и с блестящим окружением графа – с Н. М. Карамзиным, Н. Н. Бантыш-Каменским и др. Сам Алексей Иванович, известный борец против «вредной галломании», видя успехи детей, проникся к эмигранту искренней симпатией. Особенно была расположена к А. Сюрюгу супруга Алексея Ивановича графиня Екатерина Алексеевна (1754-1829), оставившая заметный след в истории Москвы.

В конце XVIII – начале XIX вв. в Москве существовала обширная французская колония. Почти все ее представители так или иначе были связаны с церковью Св. Людовика, освященной в 1791 г. и располагавшейся в Мясницкой части. Если в Петербурге в годы Французской революции осела значительная часть эмигрировавшей ари-

стократии Старого режима, то в Москве эмиграция включала менее знатных и менее состоятельных французов, которые обосновались как домашние наставники, библиотекари, профессора и секретари. Особой популярностью как наставники у московской знати пользовались французские аббаты, бывшие, как правило, скрытыми иезуитами – аббат Дюрон (у князей Дмитриевых-Мамоновых), аббат Гандон (у князей Голицыных), аббат Магнэн (у князей Мещерских), аббат де Валет (у князя Репнина) и др. (5, р. 6-10; 17, р. 16-21).

Среди некоторых высокопоставленных семей благодаря этому проявилась даже явная склонность к римско-католической церкви (к примеру, у Голицыных и Долгоруких). В этой обстановке иезуиты-эмигранты решили не упускать возможностей и обратить в католичество нескольких представителей русской аристократии. Нас особенно интересует факт перехода в католическую веру Екатерины Петровны Ростовичиной, что произошло благодаря аббату А. Сюрюгу, который убедил Екатерину Петровну в необходимости перемены веры, принял ее тайное отречение от православия и ввел в лоно новой церкви.

В 1808 г. А. Сюрюг становится настоятелем церкви Св. Людовика. Это назначение состоялось вновь благодаря аббату Николу, который обратился с письмом к архиепископу Могилевскому в декабре 1807 г. Когда долгие формальности вступления в должность были утрясены, в начале ноября 1808 г. А. Сюрюг сообщил о своем уходе семейству Мусиных-Пушкиных. Расставание было горестным, по крайней мере, для детей и их матери. Мусина-Пушкина, испытывая чувство признательности к аббату, взяла на себя большую часть расходов по внутреннему обустройству церкви.

Когда Ф. В. Ростовичин был назначен в 1812 г. московским главнокомандующим, А. Сюрюг стал частым гостем в его доме на Лубянке, который находился в непосредственной близости от церкви Св. Людовика. Нередко прямо в доме главнокомандующего, прогуливаясь после обеда по анфиладам комнат или по дорожкам сада, он ее исповедовал. Для того чтобы тайно причастить ее, аббат завел специальный серебряный ящичек-дароносицу, которую надевал на шею своей спутнице. Роль дарохранительницы играло специальное пространство одного из шкафов черного дерева, инкрустированного слоновой костью.

14 сентября 1812 г. в Москву вступила армия Наполеона. Для «московских французов» это стало подлинной катастрофой. Не только для французской солдатни, но и

для офицеров они были не более чем презренными и недобитыми эмигрантами, а значит, должны были испить горькую чашу московских погорельцев до дна. Единственной их опорой в первые дни пожаров оказался только аббат А. Сюрюг. Актриса Л. Фюзиль, чьи воспоминания вышли в Париже уже в 1814 г., писала: «Довольно большая площадь, принадлежащая церкви, была застроена деревянными домиками, где бедные иностранцы находили во всякое время приют. Пока город горел, солдаты грабили его. Все женщины, дети и старики попрятались в церкви. Когда появились солдаты, аббат А. Сюрюг открыл двери и в полном облачении с распятием в руках, окруженный этими несчастными, единственной опорой которых был он, с уверенностью предстал перед озверелыми солдатами, которые с уважением попятнулись перед ним». Далее Л. Фюзиль пишет: «Аббат Сюрюг попросил стражу для охраны несчастных семей, и ему ее тотчас же дали. Наполеон хотел его видеть и всячески убеждал вернуться во Францию. “Нет, – отвечал тот, – я не хочу бросать свое стадо, которому могу быть еще полезен”. Хотя в съестных припасах уже чувствовался недостаток, их все-таки посылали аббату, и он делил их, как добрый пастырь» (1).

11 октября по старому стилю, когда французы ушли из Москвы, вблизи церкви Св. Людовика появились русские казаки, которые, к радости А. Сюрюга, взяли только часть серебряной посуды, сукно, вино, рыбу и овощи. После перенесенных бедствий аббат А. Сюрюг был физически и нравственно истощен. Несмотря на это, он продолжал вести церковную службу, заботиться о судьбе беженцев, размещенных в строениях церкви, посещать раненых и больных французских солдат, оставленных в Москве. Когда в Москву возвратился Ф. В. Ростопчин, А. Сюрюг поспешил встретиться с ним. Однако аббата ждал суровый прием. Как оказалось, Екатерина Петровна все же поведала мужу о переходе в католичество. «Ты совершил подлый поступок», – бросил аббату Ф. В. Ростопчин и более не принимал его у себя. Все попытки А. Сюрюга объяснить ситуацию (17, р. 40).

21 декабря по старому стилю аббат Сюрюг скончался. Согласно одной из версий, когда он сопровождал тело умершего в госпитале французского солдата на кладбище, его остановила, ограбила и, видимо, избилла группа казаков. Брошенный на снегу, он с трудом смог добраться до дома и уже более не поднимался на ноги (17, р. 40).

Такова оказалась судьба аббата А. Сюрюга. Но каков был его внутренний

мир, система его духовных принципов? В нашем распоряжении имеется огромный пласт материалов, вышедших либо из-под пера самого Сюрюга, либо со стенографической точностью зафиксировавших его устные выступления в период деятельности в Тулузе (6; 2; 5; 17, р. 8-11, 22, 27). На основе этих материалов попытаемся набросать картину, которую можно было бы сравнить с «духовной картографией», состоящей из своеобразных интеллектуальных, культурных и мировоззренческих срезов личности нашего героя. Такого рода «идеокартография» в разных вариантах широко практиковалась в семиотике, лингвистике, культурно-исторической антропологии, и особенно в «новой биографической истории» и «персональной истории».

Начнем с того, что духовный мир, контуры которого стали формироваться в парижской Сорбонне (а может быть и раньше?), у А. Сюрюга был абсолютно слит с римско-католической религией, в лоне которой он пребывал. Когда во время Французской революции А. Сюрюг оказался перед выбором – принять ли гражданскую присягу и остаться директором коллежа, которому он посвятил тяжкие труды, либо отказаться от присяги и покинуть коллеж – он решительно избрал последнее. Объясняя свои действия, он заявил, что не уступит «человеческой слабости», «идя против воли своей совести», так как есть «более великий принцип – подумать о своей душе»: «Я доказываю своими действиями, что подлинный патриотизм не может быть несовместимым с обязанностями, которые накладывает религия; поэтому передо мной не возникает вопрос о том, стыдиться ли принципов, которые я исповедую; и мое поведение не может оскорбить меня в собственных глазах... Если однажды моя перепешная твердость станет причиной сожалений, я найду в глубинах моего сердца более веские причины, чтобы утешиться» (Выступление перед администрацией тулузского коллежа 26 октября 1791 г.).

Религиозные принципы, которыми руководствовался А. Сюрюг в жизни, сопрягались с убежденностью в силе божественного провидения. Чудесное спасение деревянной церкви Св. Людовика во время пожара он приписывает «явному чуду благости Божией» (в письме аббату Николу), либо «чудесному покровительству Провидения» (в «Журнале» и в письме отцу Буве). Правда, в письме к своему непосредственному начальнику митрополиту Сестренцевичу (с которым, как представляется, отношения были не всегда простыми из-за борьбы последнего с иезуитским влиянием), количе-

ство упоминаний «милосердия Всемогущего», «великой милости Господа», «ниспосланного небесного благословения» и пр. заметно возрастает. А. Сюрюг подлинный там, где он пишет аббату Николу и вносит записи в «Журнал» для истории: он твердо верит в Господа, но эта вера лишена слащавости и позерства, она есть основа для рационально продуманных волевых поступков самого человека.

Именно религиозное начало было для А. Сюрюга своего рода стержнем, вокруг которого вращались представления о человеческом достоинстве, величии духа и стойкости, об отношении к русским, к их культуре и религии.

Чем же руководствовался аббат в своем собственном отношении к людям? Это отношение четко определялось тем своеобразным кругом, в который помещался А. Сюрюгом человек. Первый, своего рода внешний круг состоял из людей как таковых, вне национальной, религиозной и прочей принадлежности. Отношение к этому абстрактному человеку угадывается в письменном наследии А. Сюрюга с большим трудом. В сущности, кроме упоминания о страданиях «несчастных» жителях Москвы во время пожаров и грабежей, а также согласия с тем, что люди (без разбору – «француз и русский») были охвачены страстью к грабежам, нет ничего.

Но вот следующий круг очерчен более четко и отношение к людям, его заполняющим, видится вполне явственно. Это – паства кюре церкви Св. Людовика. Именно о них идет речь, когда аббат начинает более предметно говорить о страданиях московских погорельцев. Как в «Журнале», так и в письме к Николу, кюре поведал, что жители «этого квартала» (или «слободы»), имея в виду иностранное, в основном французское население Мясницкой части, и тех из Немецкой слободы, которые прибегли к помощи А. Сюрюга, были гонимы пожаром «с одного места на другое» и в конечном итоге «принуждены были удалиться на наше кладбище» (имеется в виду то, которое будет названо в дальнейшем Введенским). «Лица этих несчастных выражали ужас и отчаяние, они блуждали среди могил, освещенные отблесками пламени; они были похожи на привидения, вышедшие из гробов». Именно к ним пришел на помощь Неаполитанский король (И. Мюрат), да и поддержка Наполеона распространялась прежде всего на них. Это был, как можно понять из текста А. Сюрюга, естественный акт человеколюбия в отношении к «своим», хотя в письме к митрополиту Сестренцевичу, официальному представителю русских вла-

стей, аббат и пишет о наполеоновской армии как об армии «врагов».

Близки к этому кругу, удостоившегося сочувствия А. Сюрюга, и некоторые русские. Это те, с которыми аббата связывали длительные личные отношения и на которых он так или иначе смог благотворно повлиять, внушив им собственные представления о жизни и передав им тем самым часть своей культуры. Строки из письма племяннику, в которых А. Сюрюг описывает прощание с семьей И. А. Мусина-Пушкина в ноябре 1808 г., когда он принимал на себя обязанности кюре, кажутся поначалу даже трогательными: «Невозможно расставаться с безразличием после того как прожил в доме более 12 лет... Дети и их мама не могли высказать мне всех бесконечных сожалений, а я не мог отказаться от того, чтобы не дать несколько уроков самым младшим из детей... чтобы не допустить с ними болезненного разрыва». Но далее: «Таким образом, я покинул место с жалованьем 2 тыс. рублей и дом, где я нашел для себя все равно, что собственную семью... и который удовлетворял мои материальные потребности...».

Привязанность к другой русской семье – Ф. В. Ростопчиным – в еще большей степени оказалась связана с той практической пользой, которую можно было из этой дружбы извлечь. При этом А. Сюрюг отплатил своему благодетелю Ф. В. Ростопчину самой черной неблагодарностью, добившись тайного перехода Екатерины Петровны Ростопчиной в католичество. К тому же аббат, надеявшийся сохранить с Ф. В. Ростопчиным самые лучшие отношения после возвращения последнего в разоренную Москву, тем более планируя представить дело так, что именно он сохранил губернатору дом на Лубянке, не считал для себя подлым при любом случае возлагать главную ответственность за пожары именно на Федора Васильевича.

Третий круг лиц – это коллеги А. Сюрюга, отношение к которым было самым предупредительным. Это относится как к коллегам по тулузскому коллежу, с которыми ему пришлось расстаться (в прощальной речи аббата к ним 26 октября 1791 г. нет и намека на какие-либо обиды и укоры), так и к собратьям из среды католического духовенства в России. Когда некоторые из числа католического причта, покинувшие при начале военных действий места своего пребывания в западных частях Российской империи, оказались в Москве, они нашли в лице А. Сюрюга своего защитника и благодетеля.

Вместе с тем, А. Сюрюг не был склонен прощать своим коллегам из числа католи-

ческих священников таких шагов, которые носили недружественный по отношению к нему характер и не свидетельствовали о рвении к исполнению долга. Именно это явствует из письма племяннику от 21 февраля 1809 г., где А. Сюрюг пишет о французских священниках, не оказавших ему помощь в организации церкви Св. Людовика в течение зимы 1808-1809 гг.

Наконец, был человек (аббат Николь), с которым А. Сюрюга связывала длительная искренняя дружба. Она покоилась не только на памяти о годах, проведенных в коллеже Св. Варвары и на взаимной поддержке в течение многих лет, но и, видимо, на полном совпадении главных жизненных принципов: «Мой дорогой и достойный друг! ...Я пользуюсь первой свободной минутой, чтобы уведомить вас о том, что я жив. Сколько предметов, о которых я желал бы вам рассказать...» – пишет А. Сюрюг Николу 10 ноября по старому стилю 1812 г. Много, очень многое в ходе своего общения два аббата понимали без слов.

Таким образом, отношение А. Сюрюга к людям четко определялось принадлежностью или непринадлежностью их к тем культурно-религиозным сферам, в которых формировался сам аббат и принципам которых он следовал. Всё, не принадлежавшее к западноевропейскому католическому миру, могло вызвать в А. Сюрюге в лучшем случае только слабое сочувствие. Двадцатилетнее пребывание в России не только не привело к деформации первоначальной сетки ценностей аббата А. Сюрюга, но еще более укрепило его во взглядах на мир, Бога и человека, сформировавшихся у него еще во времена дореволюционной Франции. Вообще, деятельность и взгляды А. Сюрюга могут представлять классический образец поступков и мировоззрения иезуита, каким он вошел в историческую и художественную литературу XIX – XX вв. О принципах своих действий сам А. Сюрюг писал так: «Я знаю страну (Россию – прим. наше), и я не действую в такой манере, которая могла бы скомпрометировать дело Бога и дело изгнанника Порядка. Вот почему я избегаю того, чтобы демонстрировать слишком большое рвение; я ограничиваюсь тем, что [только] направляю, и это всегда приводит к тому, что человек, получив таким образом направление, сам достигает желаемой цели» (Письмо к аббату де Бийи).

Смена стилей и интонаций в письмах А. Сюрюга, предназначенных разным людям, не может не восхитить. В послании к Сестренцевичу, главе католиков Российской империи, с которым, как мы уже отмечали, у А. Сюрюга были непростые отношения из-

за принадлежности последнего к ордену иезуитов, адресант приторно благочестив. В каждой фразе он вспоминает «великую милость Господа», «божественное Провидение» и пр., благодаря которым, как он пишет, мы получили возможность «сохранить невредимой веру, питаемую к нашим законным начальникам и властям». Он заверяет, что в самых трудных условиях, находясь среди «врагов Империи», он не совершил ничего, что было бы способно поставить его в конфликт «с верой, нашим министерством и нашей совестью». Вымаливая у Сестренцевича пастырское благословение, А. Сюрюг уверяет, что «в числе желаний и просьб, с которыми мы обращались к Нему (Господу – прим. наше) от глубины сердца, наиболее горячей была та, чтобы он соблаговолил сохранить надолго здоровье и невредимость достойному Понтифику, которого Святой Дух поставил во главе нашей церкви».

Не менее щедро, как можно почувствовать, А. Сюрюг льстил Ф. В. Ростопчину и его супруге. К началу войны 1812 г. аббат был убежден, что смог обеспечить себе безусловное покровительство московского главнокомандующего: «Смена губернатора нам выгодна. Враги не имеют никакого влияния на его дух», – пишет он аббату де Бийи. Главным инструментом влияния на Ф. В. Ростопчина была его супруга Екатерина Петровна, которая, как полагал аббат, находилась под его полным влиянием. Тем большим ударом стало для А. Сюрюга известие, что она открыла мужу свой переход в католичество. Думается, что злые пассажи, обличавшие Ф. В. Ростопчина как главного виновника пожара, и фактически открытое предание гласности в последние месяцы 1812 г. содержания писем А. Сюрюга отцу Буве о роли Ф. В. Ростопчина могли быть своего рода мстью бывшему благодетелю, который отказался от общения с обманщиком-иезуитом.

Образ А. Сюрюга как личности можно описывать и далее, характеризуя, к примеру, особенности его честолюбия, деловые стороны его натуры и т. д. Однако уже сейчас очевидно: при всей блестящей образованности иезуита, в его натуре было много такого, что при ближайшем знакомстве с ним не могло не настораживать и вызывать отторжение. Его моральные и нравственные принципы, его, как принято сейчас говорить, социальная стратегия, целиком и безоговорочно определялись «практической» пользой служения католической церкви и Ордену Иисуса. Именно это обстоятельство стало главной причиной того, что великолепный набор инструментов, используемых иезуитами в вос-

питании и образовании юношества, оказался в конечном итоге несовместим с той моральной и нравственной основой российской жизни, которая традиционно базировалась на религиозной терпимости и общечеловеческих, вне зависимости от «практической» пользы принципах. В сущности, и сегодня, когда сфера образования и воспитания в России стала ощущать на себе порою очень

грубые (куда там до иезуитских «тонкостей»!), попытки подчинения и регламентации со стороны «духовных пастырей», вопрос о различном восприятии светским и «воцерковленным» человеком базовых моральных и нравственных принципов оказывается главным в решении вопроса об «эффективности» или «неэффективности» педагогических методов.

ИСТОЧНИКИ

1. Записки актрисы Фюзиль // Де ла Флиз. Поход Наполеона в Россию. М., 2003.
2. 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга // Русский архив. 1882. № 4.
3. Frappaz, l'abbé. Vie de l'abbé Nicolle. P.: Jacques Lecoffre, 1857. – XI.
4. Lettres sur la prise de Moscou, en 1812 (par l'abbé Surugue). P.: Didot, 1821.
5. Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / Publ. par le R.P. Libercier. M. : F. Tastevin, 1909.
6. Surrugues. Léttres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au R.P. Bouvet, de la compagnie de Jésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire, et curé de l'Église de Saint-Louis, a Moscou. P. : Plancher, 1823.

ЛИТЕРАТУРА

7. История педагогики и образования : учеб. пособие / Под ред. А. И. Пискунова. М. : Сфера, 2001.
8. Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций; в 3-х кн. М. : Мысль, 1997. Кн. 3.
9. Михневич Д. Е. Очерки из истории католической реакции (Иезуиты). М. : Изд-во АН СССР, 1953.
10. Ржеуцкий В. С. Французские гувернеры в России XVIII в. // Французский ежегодник. 2011. М.: ИВИ РАН, 2011.
11. Темкин А. Принципы иезуитского воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3 (17). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/principy-iezuitskogo-vozpitanija>
12. Тонди А. Иезуиты. Пер. с итал. М. : Иностранная литература, 1955.
13. Чудинов А. В. Обычные и необыкновенные приключения французского гувернера в России XVIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003.
14. Фролова С. А. От частных уроков – к собственной школе: участие гувернеров в создании частных учебных заведений в России (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Французский ежегодник. М. : ИВИ РАН, 2011.
15. McGucken W. The Jesuits and Education. N.Y.: The Bruce publ. comp., 1932.
16. Malachi M. The Jesuits: The Society of Iesus and the Betrayal of the Roman Catholic Church. N.Y. : Simon and Schuster, 1987.
17. Mirot L. L'Abbé Adrien Surugue. Un témoin de la campagne de Russie. P. : E. Champion, 1914.
18. Schwickerath R. Jesuit education: its history and principles viewed in the light of modern educational problems. St. Louis, Missouri : B. Herder, 1903. – XV.

Статью рекомендует д-р ист. наук, проф. О. В. Горбачев.